

стольскихъ и даже нѣкоторыхъ лучшихъ учениковъ Псалтыри. Кромѣ грамматики греческой, въ курскомъ училищѣ было рукописное къ ней дополненіе, вывезенное изъ Кіова бывшимъ моимъ смотрителемъ Н. И. Булгаковымъ, называемое учениками *граника*, такъ оно было составлено профессоромъ Кіевской академіи Граниковымъ. Эту *гранику* учитель Н. Х. Романовскій имѣлъ у себя, приносилъ ее въ классъ для списыванія, и она лежала обыкновенно съ нотатами на учительскомъ столѣ. Одинъ изъ учениковъ, признавая, что *граника* трудна, совершилъ слѣдующее: подойдя къ столу, изъ-подъ нотатъ вытащилъ *гранику* и спряталъ въ карманъ, чтобы она не практиковалась болѣе. А *граника* была введена въ 1-й разъ только въ нашемъ курсѣ и, стало быть, другаго полнаго экземпляра ее не было.

Учитель, узнавши о семъ, пришелъ въ ярость, кричалъ и грозилъ всевозможными карами, но виновникъ пропажи не утратился угрозъ, потому что братъ его былъ учителемъ третьяго класса училища.

Дѣло кончилось ничѣмъ. И изъ-за пропажи *граники* окончилось и преподаваніе по ней.

О. ректоръ Елпидифоръ въ бытность свою учителемъ архангельской семинаріи, преподавалъ математику, а потому съ любовью экзаменовалъ поступившихъ по ариѳметикѣ и спросилъ всѣхъ, чего прежде не было. На экзаменахъ же по геометріи въ семинарскихъ классахъ любилъ предлагать пифагорову теорему.

По священной исторіи и славянскому языку экзамена не было. Требованія по катихизису были строжайшія.

Завершилъ архимандритъ Елпидифоръ экзаменъ тѣмъ, что велѣлъ всѣмъ ученикамъ пропѣть Богородичень, восьмого гласа: *«Царь Небесный за челоуколюбіе на земли явился и съ челоуки поживе»*...

Прошѣли исправно.

Экзаменное сочиненіе было на тему: «Путешествіе мое въ Бѣлгородъ», а жившимъ въ Бѣлгородѣ въ свое время было назначена тема: «Жизнь моя въ Бѣлгородѣ».

Бѣлгородъ показался мнѣ бѣднымъ городомъ. Мой отецъ водилъ меня въ монастырь. Я увидѣлъ здѣсь монаховъ, мнѣ извѣстныхъ—курскихъ. Они были переведены изъ Курска, по случаю